

Научная статья

УДК 398.8

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-1/72-85>

ЭВОЛЮЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДОЛЕ, СЧАСТЬЕ, СУДЬБЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА И АВТОРСКОЙ ПОЭЗИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ)

Татьяна Владимировна Краюшкина

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток, Россия

Доктор филологических наук, <https://orcid.org/0000-0001-7452-4593>, kvtbp@mail.ru

Аннотация. В статье на материале песенного фольклора и авторской поэзии Сибири и Дальнего Востока России периода Гражданской войны впервые рассмотрена эволюция традиционных представлений о доле, счастье, судьбе. Выявлены особенности реализации и функционирования обозначенных мотивов. Сделаны выводы о том, что представления о доле, счастье, судьбе отчасти находятся в соответствии с традиционным мировоззрением; отличия связаны как с особенностью изменяющегося мировоззрения, транслируемого в позднетрадиционном фольклоре и авторской поэзии начала XX века, так и со спецификой песенного жанра.

Ключевые слова: доля, счастье, судьба, песенный фольклор Дальнего Востока России, авторская поэзия Дальнего Востока России, Гражданская война, своё (свои)

Для цитирования: Краюшкина Т.В. Эволюция представлений о доле, счастье, судьбе (на материале песенного фольклора и авторской поэзии Дальнего Востока России периода Гражданской войны) // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 1. С. 72–85.

Original article

EVOLUTION OF TRADITIONAL IDEAS ABOUT HAPPINESS, LUCK, FATE (BASED ON THE MATERIAL OF SONG FOLKLORE AND AUTHOR'S POETRY IN THE FAR EAST OF RUSSIA DURING THE CIVIL WAR)

Tatyana V. Krayushkina

Institute of History, archeology and ethnography of people of the Far East FEB RAS,
Vladivostok, Russian Federation

Doctor of Philology, <https://orcid.org/0000-0001-7452-4593>, kvtbp@mail.ru

Abstract. The article, based on the material of song folklore and original poetry of Siberia and the Russian Far East during the Civil War, examines for the first time the evolution of traditional ideas about share, happiness, and destiny. Features of the implementation and functioning of the designated motives are revealed. Conclusions are drawn that ideas about share, happiness, and fate are partly in accordance with the traditional worldview; the differences are associated both with the

peculiarities of the changing worldview, transmitted in late traditional folklore and original poetry of the early twentieth century, and with the specifics of the song genre.

Key words: happiness, luck, fate, song folklore of the Russian Far East, original poetry of the Russian Far East, Civil War, their own

For citation: Krayushkina T.V. Evolution of Traditional Ideas about Happiness, Luck, Fate (Based on the Material of Song Folklore and Author's Poetry in the Far East of Russia during the Civil War) // Far Eastern Philological Journal. 2024. V. 2, № 1. P. 72–85. (In Russ.).

Доля, счастье, судьба относятся к базовым представлениям традиционной картины мира. Являясь взаимосвязанными понятиями, они зачастую характеризуются посредством друг друга. Так, еще В.И. Даль определяет *долю* через *судьбу* («жребий, участь, судьба, рок» [7, с. 463]), *судьбу* – через *долю* и *счастье* («участь, жребий, доля, рок, часть, счастье, предопределённые» [8, с. 356]), а *счастье* – через *долю* («со-частье, доля, пай» [9, с. 371]), тем самым ставя между тремя понятиями практически знак равенства.

Современные фольклористы, лингвисты, культурологи, обращавшиеся к исследованию обозначенных понятий, придерживаются схожей логики, причем вне зависимости от того, к народному творчеству каких именно народов они обращаются; это свидетельствует как о близости понятий *доля, счастье, судьба*, так и об их универсальности для мировой культуры. Например, Т.А. Агапкина определяет *долю* как индивидуальную *судьбу* [1, с. 139], ей вторит Е.Е. Левкиевская, называя *долю* олицетворением *судьбы* [19, с. 286], при этом указывает, что доля «появляется у каждого человека при рождении и сопровождает его в течение всей жизни, определяя его счастье, благосостояние, а также характер занятий, приносящих человеку богатство» [19, с. 286]; о «развитии представления о доле как судьбе» говорит и Г.Т. Зиганшина [10, с. 19]. Авторы словарной статьи о доле, скрытые под инициалами В.И., В.Т., отмечают: «Доля в славянской мифологии – воплощение счастья, удачи, даруемых людям божеством <...>» [3, с. 195]. Г.З. Камалиева, И.Г. Закирова и Л.К. Каримова упоминают о присутствии *счастья в судьбе* человека [12, с. 362].

И.Ю. Тимофеева относит *счастье* к числу компонентов *судьбы*, при этом первое она именует феноменом, а вторую – концептом: «В русской традиционной культуре феномен счастья изначально существовал в рамках концепта судьбы, что тесно коррелирует с лингвокультурологическим и этимологическим трактованием этого понятия как доли, участи» [25, с. 189], при этом *счастье* и *судьбу* считает синонимами: «судьба (счастье) <...> имеет двоякое выражение в формах индивидуальной доли человека и общей доли определенных социальных групп и общества в целом» [25, с. 193].

И.Ю. Тимофеева отмечает: «Специфику феномена счастья, характерную для каждой нации, принято анализировать, прежде всего, в рамках традиционной культуры этноса, т.к. она выступает в качестве хранительницы исторически укорененного уклада жизни, религиозных воззрений народа, особенностей выстраивания структуры общества, общественных отношений» [25, с. 186–187]. Это в полной мере относится и к другим рассматриваемым в данной статье понятиям – *доля* и *судьба*. **Новизна** данного исследования состоит в том, что впервые на материале позднетрадиционного фольклора (куда относятся и песни периода Гражданской войны) и авторской поэзии рассматривается эволюция таких традиционных мотивов, как *доля, счастье* и *судьба*.

Цель данной статьи – выявление особенностей реализации и функционирования обозначенных традиционных мотивов в позднетрадиционном устном народном творчестве и авторской поэзии периода Гражданской войны. Внимание будет уделено и встраиванию обозначенных мотивов в систему координат *свое–другое–чужое*. Значимым признаком позднетрадиционного фольклора является переосмысление категорий *свои, другие, чужие*. Если в традиционной культуре к *своим* причислялись представители *своего* рода, вероисповедания, национальности, села, губернии, государства и пр., а *другими* или *чужими* (в зависимости от выстроенных взаимоотношений с конкретным носителем русской традиционной культуры) считались, соответственно, представители другого рода, вероисповедания, национальности, населенного пункта, страны, то в позднетрадиционном фольклоре происходит переосмысление этих основополагающих категорий. Базовыми показателями *своего* в позднетрадиционном фольклоре позиционируются два взаимосвязанных признака – принадлежность к одному классу и трансляция схожих политических взглядов, где первое становится подменой рода и национальности, а второе – подменой вероисповедания.

Значимым в этом ключе среди прочих жанров позднетрадиционного устного народного творчества является песенный фольклор периода Гражданской войны. В качестве материала исследования рассмотрено 345 песен периода Гражданской войны [21, 28, 29], записанных в Сибири и на Дальнем Востоке в XX веке. Из них в 43 текстах (а это составляет 12,46% от рассмотренного количества), зафиксированных в период 1918–1969 гг. на территориях Амурской, Иркутской, Читинской областей, Красноярского, Приморского, Хабаровского краев, Бурятской АССР фигурируют мотивы *доля, счастье и судьба*. Следует отметить, что это упоминание находится между низким и средним порогом частотности (в сравнении с рядом уже рассмотренных автором данной статьи мотивов на указанном материале, к примеру, *о крови* говорится в 38,55% текстов [17, с. 141], *о земле* – в 8,7% [16, с. 351], *о власти* – в 7,8% [15, с. 84]).

Проанализированный материал уникален по своему происхождению. В него входят как фольклорные песни, так и произведения авторской поэзии. В их числе переделанные фольклорные тексты, песни на переработанные или непереработанные стихи русских и зарубежных поэтов XIX века. Но большую часть составляют авторские произведения начала XX века, как представленные в их первоизданном виде, так и подвергшиеся переделке и начавшие вхождение в фольклорный фонд (утратившие авторство, обретшие варианты тексты). Одной из особенностей позднетрадиционного песенного фольклора является следующая: актуальные для периода Гражданской войны стихи, публиковавшиеся в газетах или напечатанные на листовках, находили отклик в народной среде и пелись на известные мотивы (к примеру, песня «Жизнь лесовика» «исполнялась на мотив «Кочегара» [14, с. 275], «Вот бьются уж годы в горах партизаны» – «на мотив «Вот вспыхнуло утро»» [14, с. 278], «Румянятся горы над городом ясным» – «на мотив «Варшавянки»» [14, с. 289]). Поэтому обоснованным с точки зрения фольклористов считается включение в сборники устного народного творчества подобных текстов, в частности стихотворения «Бой под Усть-Куном», написанного партизанским поэтом Ребровым-Денисовым [14, с. 282], произведения «Привет борцам», которое опубликовано «обнаружено в газете «Вперед» <...>, 1920, 7 сент.» [14, с. 255], «Товарищу труженику», напечатанному на листовках («Листовки со стихотворением сохранили в своих делах участники гражданской войны Г.Ф. Десятков – начальник штаба Джидинского повстанческого полка, М.К. Нелюбин – участник освобождения Верхнеудинска, Волочаевки, Спасска, Хабаровска» [14, с. 255]). Исследователями же художественной литературы данные произведения будут

классифицированы как авторская поэзия, поскольку бытование текстов в народной культуре ими не учитывается. Все это позволяет условно именовать подобный материал художественным конгломератом.

В проанализированной научной литературе *доля* рассмотрена преимущественно на русском или общеславянском традиционном фольклоре, хотя привлекается и устное народное творчество башкир. Так, «славяне верили, что каждый человек при рождении наделяется долей – определенным количеством блага, которое включает в себя срок жизни, здоровье, а также события, которые должны с человеком произойти» [19, с. 286]. Доля дается Богом или матерью [22, с. 233–234], имеет родство с домовым, душой, болезнью и смертью [22], «Въ позднѣйшихъ источникахъ <...> довольно часты сопоставленія Бога и встрѣчи, доли, частью какъ миѳическаго существа, частью какъ состоянія» [22, с. 232]. Человек может не иметь доли либо потерять ее [24, с. 164; 11, с. 52], она «приходить къ человѣку, встрѣчаетъ его» [22, с. 196]; долю можно отменить или поделиться ею [10, с. 19], распределить ее между членами семьи или группы [20, с. 19, 26], доля может быть *получше* или *похуже* [23, с. 1017], бедность приходит к тому, кто «занимается не своим делом, не знает, где его Доля» [19, с. 288]. Особо исследователи выделяют тяжелую долю русской женщины [5, с. 150], солдатскую долю, говоря о ней как о тяжелой повинности [4, с. 43].

О доле упоминается в пятнадцати песнях периода Гражданской войны. Стоит отметить, что чаще всего фигурирует именно это слово – *доля*, хотя трижды использована уменьшительно-ласкательная форма *долюшка*. Преимущественно *о доле* в тексте упоминается по одному разу (в 12 текстах), но в трех песнях *о доле* сообщается трижды. *Доля* имеет преимущественно ярко выраженные характеристики – положительную или отрицательную, при этом качество у нее преимущественно стабильное. Так, *доля* может оцениваться как положительное явление (*лучшая доля* – 8 единиц, *славная* – 1) и как отрицательное (при этом отрицательные характеристики более разнообразны: *тяжелая доля* (дважды), по одному разу: *злая*, *плохая*, *безрассудная*, *тюремная*, *сиротинки*, а также *доля* людей, о которых забыли. В этом случае форма звучит как призыв:

*За людей, трудом забытых,
Богом, долей позабытых,
Бой веди* [21, с. 42].

Лишь в одном случае дается такая характеристика *доле*, что свидетельствует о ее способности изменять интенсивность: *Будь же светлей, наша доля* [21, с. 71]. *Долюшка* может быть *злой* (дважды) или *счастливой* (единожды).

Характеризуют *долю* не только качества, ей приписываемые, но и понятийный ряд, в котором она оказывается (подобных рядов в проанализированных текстах было выявлено десять). Примечательно, что превалирует ряд из трех компонентов (он использован шесть раз, в разной комбинации): *земля*, *воля* и *лучшая доля*. Например, *партия в битву ведет / За землю, за волю, за лучшую долю* [29, с. 224]. Дважды встретился сокращенный ряд, состоящий из двух компонентов: *воля* и *лучшая доля*. Кроме этого, по одному разу *доля* выступает в паре с судьбой [21, с. 131], с Богом [21, с. 42], или же приводятся разные характеристики доли: *злая доля*, / *Доля сиротинки* [21, с. 131].

В песнях периода Гражданской войны, как правило, четко обозначена принадлежность *доли*. Так, *доля* с отрицательной коннотацией приписывается коммунарам, приговоренным к расстрелу, узникам, борцам, бывшим партизанам, беглецу, сироткам, *людям*, *трудом забытым*

[21, с. 42]. Доля с положительной коннотацией принадлежит народу, красногвардейцам, партизану, сиротке. Есть в этом перечне и неодушевленный предмет – пика, которую кует кузнец-старик для вооружения партизан. В двух случаях использованы личные местоимения (*я* и *мы*), при этом текст песни не позволяет определить, о каком именно персонаже идет речь. В первом случае поется о бойце, что готовится к битве, но партизан это или красноармеец – неясно [21, с. 102]. Во втором случае сообщается о бойцах, которыми руководил Лазо [21, с. 178]. Лишь в одной песне неочевидна принадлежность доли, за которую отдал свою жизнь командир Ф.А. Погодаев:

*За лучшую долю, за землю и волю
Ты с радостью в сердце страдал* [21, с. 177].

Все приведенные примеры говорят о принадлежности *доли* как с отрицательной, так и с положительной характеристикой исключительно *своим*, к числу которых коллективное восприятие относит представителей Красного движения и народ.

Небезынтересно проследить и отнесенность *доли* к настоящему, прошлому или будущему. Чаще всего *о доле* говорится в настоящем времени (в семи текстах): она вне зависимости от ее положительной или отрицательной оценки существует здесь и сейчас. Чуть реже *доля* – и это *доля* положительно определяемая – имеет отнесенность к будущему (в пяти песнях), к ней стремятся. Интересна в этом ключе песня «За землю, за волю» [21, с. 178], где *о доле* упоминается трижды, причем в первом случае *доля* обозначена как цель, к которой ведет партия (соответственно, это будущее), во втором случае речь идет о будущем, которое вот-вот настанет, а *доля* обозначена как желанная цель:

*Добудешь и волю, и лучшую долю,
Коль храброе сердце в груди* [21, с. 178].

Третье упоминание *доли* – это прошлое, а здесь, в настоящем, цель уже достигнута. Лазо вспоминается бой: / *За землю, за волю, за лучшую долю, / Что мы получили с тобой* [21, с. 178]. Лишь в двух текстах *доля*, а именно *злая долюшка*, представлена как недавнее прошлое. *Злая долюшка* противопоставляется счастливой жизни, которая наступила после победы красных. Так, бывшие партизаны обращаются к тайге:

*Ты спасла нам жизнь и волюшку,
Вновь свободно мы живем,
Вспоминая злую долюшку,
Часто гимн тебе поем* [29, с. 217].

Показательны и действия, которые приписываются *доле* (и в этом случае она выступает как единственный активный участник события) или совершаются с нею (и тогда *доля* пассивна и зависит от действия других лиц). Отметим, что *доля* может быть индивидуальной или групповой. В первом случае герои *долю* принимают. Коммунары, стоящие на краю могилы и ждущие расстрела, отвечают на насмешку генерала:

*- Не смейся над нами, коварный старик,
Нам выпала тяжкая доля,
На выстрелы ваши ответит наш крик:
«Земля! И рабочая воля!»* [29, с. 215].

Доля позиционируется не только как событие, которое нельзя изменить или отсрочить, но и как верность выбранному пути. Коммунары признают, что их *доля* тяжела, однако не делают ничего, чтобы изменить ее. Приверженность *доле*, добровольно принятой, оказывается

ценнее жизни. Генерал же, приговоривший коммунаров к расстрелу, доводящий эту самую *долю* до логического конца, однозначно относится к категории *чужих*.

Показательно, что, если *чужие* участвуют в реализации *злой доли* героев, *свои* же помогают героям эту долю преодолеть. Герои другой песни – томящиеся в неволе – сами пассивны, однако они, *проклиная тюремную долю* [21, с. 248], ждут освобождения, ожидают вмешательства *своих* извне – *журавлевских товарищей*. Их *доля* – бессилье, от которого их должны освободить *свои*:

*Полно нам голодать, вспоминая,
Что в коммуне есть сытый обед,
Полно, гордость свою забывая,
Слышать часто хулу на Совет.
Полно слушать нам залпы расстрела,
Ежечасно обиды терпеть
И в защиту правдивого дела
Темной ночью зубами скрипеть* [21, с. 248].

Чужие же – военный караул, надзиратели и палачи – должны убежать, лишь заслышав приближение *своих*.

В описанных примерах представлено восприятие *доли* ее носителями. Но есть и тексты, в которых *доля* описывается со стороны, причем со стороны *своих*. *Своими* в этом случае выступают боевые товарищи. Именно они дают оценку *доле* людей, томящихся за решеткой: *Знай, тоскливо и душно в неволе, / Знаем, страшна ваша тяжкая доля* [21, с. 49]. Но эта *тяжкая доля* будет вознаграждена следующим образом, причем награда имеет отношение к *чужим*: *Кончится право отжившего строя, / В вечные списки народных героев / Ваши внесут имена* [21, с. 49]. Реже *своими* представлены члены семьи. Например, жена и малолетние дети, оплакивающие *долю*, выпавшую главе семейства, покинувшему семью и скрывающемуся в лесу. Страдает от этой *доли* не только ее носитель, но и его семья: *Жена, чуть живая от горя, / Напомнила им [детям] про отца. / Плохая ему выпала доля <...> / И дети, стараясь скрыть слезы, / Вопрос про отца задают* [21, с. 106]. Даже силы природы причисляются к *своим*, поскольку и они сочувствуют *доле* бойца. Так, *ветру степей* приписывается способность *вздыхать* / *Над моей [бойца] безрассудною долей* [21, с. 102].

Представлено в текстах и другое взаимодействие *доли* и ее обладателя: стремление изменить *долю*. Обращает на себя внимание, что *долю* могут улучшить не только мужчины, но и женщины. Так, сиротки ищут *лучшей доли* в партизанском отряде [21, с. 130]. Представлено и преодоление традиционного стереотипа, что красота и счастье – явления не взаимосвязанные: *Была в молодости я / Девницей красивой, / Дождалась <...>, / Долюшки счастливой* [21, с. 131]. Изменение *доли* может быть и коллективным, при этом оно связано с боевыми действиями, но решение об изменении *доли* будто продиктовано извне, причем теми, кто приписывается к *своим*: *Нас партия в битву ведет. / За землю, за волю, за лучшую долю* [29, с. 223]. Выявлен и довольно редкий для позднетрадиционного военного фольклора способ преодоления нежелательной *доли* – путем проклятия. Так, сирота, расставаясь со *злой долей*, обращается к ней: *Как полынь иссохни ты / Под жарой в долине* [21, с. 131].

В исследованной научной литературе рассмотрено представление о счастье на материале традиционной культуры славян, русских, башкир, татар, удмуртов, американских пословиц. И.Ю. Тимофеева, исследуя концепт счастья, отмечает его подвижность и противоречивость

[25; 188]. А.И. Троянская выделяет две смысловые категории, связанные со счастьем: «К первой относятся <...> необходимость разумного обращения с жизнью и самоконтроля, ненадежность состояния благополучия, понимание счастья как основы жизнедеятельности» [27, 122–123], «ко второй – способы достижения счастья, которые складываются из деятельного достижения счастья, предпочтение меньшему, довольство в умеренности, сохранение имеющегося, случайное внезапное обретение счастья» [27, 123–124]. При этом оно «сочетается с честностью и справедливостью, гармонией» [30, с. 251], равно богатству [18, с. 960], «счастье приносить человеку, дарить» [22, с. 199], оно непредсказуемо [18, с. 960], связано с исполнением желаний [1, с. 565]; выявлено и «пассивное отношение к достижению счастья» [31, с. 110]. *Счастье* возможно при наличии у человека таких качеств, «как доброта, воспитание, общение, смелость» [18, с. 960]. *Счастье* обладает и определенной долей противоречивости, которая «заключается в том, что счастье может способствовать неблагоприятному развитию событий» [31, с. 111], имеет оно и отрицательные стороны: «расслабляет, уменьшает критичность и контроль над развитием событий» [31, с. 111].

Мотив *счастье* оказался более популярным в песнях периода Гражданской войны, чем мотив *доля*. Он упоминается в двадцати одном тексте. Двадцать раз использовано существительное *счастье*, дважды – прилагательное *счастливым*. При этом употребляется прилагательное в качестве определения промежутка времени, как продолжительного (*жизнь счастливая* [21, с. 42]), так и относительно краткого (*день счастливым* [21, с. 217]). Обращает на себя внимание, что слово *счастье* встречается в исследованных текстах преимущественно по одному разу. Лишь в одном тексте использован анализируемый мотив в паре с образованным от него определением (*счастье* и *счастливым день* [21, с. 217]). В двух текстах ему сопутствуют другие вынесенные в заголовок данной статьи мотивы – *счастье* и *судьба* [21, с. 174–175], *жизнь счастливая* и *доля* [21, с. 42], причем представлены они в тексте отдельно друг от друга.

Показательно почти полное отсутствие характеристик, которые приписывались бы *счастью*. Если *доля* именуется *лучшей*, *славной*, *тяжкой* и пр. (т. е. ей присущи многочисленные разновидности), то счастье полностью лишено подобного рода определений. Те немногие характеристики, которые приписываются *счастью*, выглядят следующим образом (приведены все выявленные примеры). Во-первых, принадлежность *своим*: *счастье народа* [21, с. 213], *счастье народной семьи трудовой* [21, с. 138]. Во-вторых, близость, что характеризуется через родство: *Да будут наши плоть и кровь / Родные счастья и богатства* [21, с. 32]. В-третьих, интенсивность, которая выражается через сравнение ее с источником света и тепла: *Солнце счастья* [21, с. 191], *светильник счастья* [21, с. 47]. В-четвертых, локус распространения: *счастье везде* [21, с. 161].

В песнях *счастье* включено в понятийные ряды (всего их выявлено 13). Они состоят из двух, трех или четырех компонентов, при этом *счастье* может стоять на первом месте, в середине или на последнем месте. В рядах, состоящих из двух компонентов, *счастью* сопутствуют *свобода* [21, с. 108, 174, 213], *радость* [21, с. 125], *богатство* [21, с. 32], *знание* [21, с. 47]; в рядах из трех компонентов – *свобода* и *права* [21, с. 122, 170], *свобода* и *покой* [21, с. 222], *воля* и *народ* [21, с. 157], *воля* и *братство* [21, с. 161], *воля* и *мир* [21, с. 35]. В ряду, состоящем из четырех компонентов, рядом со *счастьем* оказались *воля*, *правда* и *труд* [21, с. 121].

Счастье имеет более размытую принадлежность, чем *доля*, однако из проанализированного материала ясно, что речь идет о принадлежности (в широком плане) *своим*. *Счастье*

может быть индивидуальным (и приписываться лирическому герою, солдату) или коллективным (и приписываться народу, партизанам, *нам*). Если на изменение *доли* могут воздействовать *свои* или сам ее носитель, то на *счастье* может воздействовать сам его носитель или *чужие*. Причем воздействие *чужих* оказывается разрушительным: *Бейтесь с Семеновым, этим Иудой / Народной свободы, и счастья, и прав* [21, с. 122].

Отнесенность *счастья* к настоящему или будущему (чаще всего упоминается о *счастье* именно в будущем) времени связано с его наличием или стремлением получить желаемое, при этом о счастье в прошлом времени не говорится. Показательно, что действия, которые совершаются или совершались ради *счастья*, и само *счастье*, как правило, относятся к разным типам времени. Действия совершались в прошлом или совершаются в настоящем, счастье же представлено результатом этих действий.

Показательными в рассмотренном материале оказались действия, которые осуществлялись ради достижения *счастья* или другие действия, связанные с ним. Во-первых, стремятся получить *счастье* активными действиями, прежде всего – боевыми. За счастье *бьются*, причем *бьются свои* (партизаны, бойцы, народ) и делают это коллективно. Указывается как продолжительность борьбы (*Вот бьются уж годы в горах партизаны / За волю и счастье, за правду и труд* [21, с. 121]), так и оружие (*Добудем мы счастье советским ружьем* [21, с. 36]). Потребность получить счастье представлена как возможность купировать страх: *Тому не страшно воевать, / Кто хочет счастье с собою взять* [21, с. 217]. *Счастье* – явление непостоянное. И его нужно не только завоевывать, но и отстаивать: *счастье народ отстоит* [21, с. 33].

За *счастье* плачена великая цена – цена крови. При этом это цена жертвенная: кровь проливалась ради *счастья* народа (*За счастье народной семьи трудовой / Они свою кровь проливали* [21, с. 138]). Сделан акцент и на значительном объеме пролитой крови: *за <...> счастье народа / Ала кровь пролилася рекой* [21, с. 213]. Впрочем, цена не всегда конкретизируется:

*Знай, восставшему народу
Дорогой ценой
Удалось купить свободу,
Счастье и покой* [21, с. 221–222].

Упоминается в песне и о такой цене, как жизнь лидера. Так, *вождь-полководец лихой Журавлев* погиб на пути к счастью, куда он вел народ [21, с. 174]. Приговоренные к расстрелу коммунист или рабочий добровольно сделали свой выбор – отдать жизнь за счастье *своих*: *Я отдал все силы мечте одинокой / О воле, о братстве, о счастье везде* [21, с. 161], *Моя жизнь молодая / Погибла за счастье, за волю, народ* [21, с. 157]. Впрочем, есть в проанализированных текстах и призывы к самопожертвованию за счастье, причем неясно, о личном или коллективном счастье идет речь:

*Хочешь сделать жизнь счастливой,
Новой, равной, справедливой,
Жертвуй сам собой* [21, с. 42].

При этом не все тексты явно указывают на необходимость жертвовать собой. Встретились и призывы идти за вождем. Подобные песни транслируют отречение от собственной воли и предпочтение воли навязанной: *Чтобы счастье / Свое нам найти, / Надо за Лениным / Всем идти!..»* [21, с. 113].

Счастье имеет жесткую привязку к тем, кто его добывает – партизанам, красноармейцам, т.е. *к своим*. Так, партизаны *Счастье, свободу народу / Под знаменем красным несут* [21, с. 108]. Однако был выявлен и текст с редким для фольклорного фонда периода Гражданской войны апелляцией *к другим*. В этом случае *к другим* относятся страны, под которыми подразумеваются их граждане – представители угнетенных:

*Вставайте, великие страны,
За волю, за счастье, за мир* [21, с. 35].

Счастье может быть *предано*, причем предателем обозначен представитель *чужих* – Семенов. Звучит призыв биться с ним: *Бейтесь с Семеновым, этим Иудой / Народной свободы, и счастья, и прав* [21, с. 122].

Крайне редко *счастье* представлено как состояние, за которое нет необходимости страдать. Кроме того, *счастье* может быть дано победившими красными трудящемуся люду [21, с. 38], *источник счастья* может быть *зажжен* [21, с. 47], *солнце счастья* – наделено способностью *осветить наш край* [21, с. 191].

Если в рассмотренных текстах *счастье* представлено как реальное состояние настоящего или будущего, то в единственной песне *счастье* обозначено как элемент предсмертного видения, которое посещает тяжело раненного и умирающего солдата. В этом случае оно связано с воспоминаниями о семье. Герою кажется, что он находится в родном селе, среди своих родных и соседей, которых он видит за накрытым столом:

*От счастья и радости пляшет герой,
В безумном веселье хохочет,
Вдруг все помутилось, свихнулся ногой,
Свалился и что-то бормочет* [21, с. 125].

С.М. Толстая определяет *судьбу* как «предначертанный человеку свыше жизненный путь, определяющий главные моменты жизни, включая время и обстоятельства смерти» [26, с. 370]. «Судьба является символом некой высшей силы над людьми, также и осознанной необходимостью» [13, с. 181]. В проанализированной научной литературе на материале восточнославянского, тюркского и английского фольклора говорится о значимости судьбы для «национального и индивидуального сознания» [6, с. 188]. Она предстает «<...> как высшая сила над людьми; <...> как данная человеку Богом; <...> как Богом предназначенное (сужденное)» [13, с. 186]. Судьба включает в себя «основные моменты жизни, ее продолжительность, присутствие в ней счастья или несчастья» [12, с. 362]. Судьба неотвратима [26, с. 371], ее «стараясь обмануть или изменить, что, как правило, не имеет успеха или приносит мнимый и временный успех» [26, с. 371], она является совокупностью событий [13, с. 182], отмечается гендерная маркированность судьбы [2, с. 60], способность являться в образе человека [23, с. 1014].

Судьба представлена в песнях периода Гражданской войны пятнадцатью упоминаниями. Следует отметить, что слово *судьба* употребляется в текстах преимущественно по одному разу. Лишь в двух текстах мотив *судьба* использован дважды. Характеристики, которые приписываются *судьбе*, весьма ограничены. Во-первых, обозначена принадлежность *судьбы* с использованием притяжательных местоимений (*судьбы своей* [21, с. 131, 224], *судьбе твоей* [21, с. 223]); во-вторых, указание на общность (*связан / Одною судьбой* [21, с. 166]); в-третьих, она

описывается как неизбежная (дважды в одной песне – *судьба роковая* [21, с. 181]; *судьба неизбежного рока* [21, с. 160]).

Незначительны и ряды, в которых оказался включен мотив *судьба*. Было выявлено только два таких ряда. В первом из них *судьбе* сопутствует *доля* [21, с. 131], а во втором – *жизнь*: *Мы судьбу им доверяли, / Доверяли жизнь свою* [21, с. 169]. В трех текстах также используются мотивы *счастье*, *доля* или упоминание *доли* дважды.

Судьба в большинстве выявленных мотивов принадлежит людям, причем все они – *свои*. К их числу относятся как красные, воюющие за свободу, так и *народ трудовой* [29, с. 218]. Чаще речь идет о мужчинах, среди них встречаются и исторические лица: партизаны, большевики, командир Журавлев, герой Гражданской войны И.А. Бутин, партизаны братья Спицыны. Крайне редко упоминаются женщины (сиротка, сиротки) или грудные младенцы. Показательно, что о *судьбе* всегда говорится в единственном числе: она одна и у какого-либо героя, и у группы. Например, общая *судьба* приписывается неоднозначному герою Гражданской войны, одному из руководителей партизанского движения в Сибири Н.А. Каландаршвили (Дед – его партийная кличка) и его отряду:

*Дедушка, Дедушка –
Наш ты родной,
С нами ты связан
Одною судьбой* [21, с. 166].

В популярной на Дальнем Востоке песне «Два брата», в которой говорится о родных братьях, после разорения их дома ушедших воевать. Старший примкнул к красным, а младший – к белым. И даже в этом случае речь идет об одной *судьбе*:

*Но судьба так жестока над ними,
В бой идти от пожаров, огней.
Вот сошлись два брата родные,
И друг друга узнали они* [21, с. 213].

Лишь в одном случае *судьбой* наделяется схожее с нею понятие – *рок*, причем сама формулировка выглядит нелогичной: *судьба неизбежного рока* [21, с. 160].

В большинстве проанализированных текстов *судьба* имеет отношение к прошедшему времени; лишь в одном примере использована форма инфинитива (*Судьбу неизбежного рока / Им кровью людской не залить* [21, с. 160]). В девяти примерах *судьба* представлена как живое существо, имеющее власть над человеком, при этом ее воздействие непременно негативное, связанное с ухудшением жизни человека или ее завершением. *Судьба* может героя песни *наказать, сразить ударом, подыграть жестоко, наградить терновым венцом* или быть к нему *жестоккой*. *Судьбе* приписывается способность *обездолить, износить* пару или группу персонажей, *изменить* им. Показательно, что героические действия, которые совершают персонажи, у *судьбы* не вызывают одобрения, за ними порой следует жестокое наказание. Так, к замученному до смерти герою Гражданской войны И.А. Бутину обращены следующие строки:

*Ты свободе служил, был народным бойцом,
И судьбой награжден ты терновым венцом* [21, с. 184].

Но есть и песни, где *судьба* зависит от действий ее носителей. Например, сирота, вступившая в партизанский отряд, принимает активное участие в жизни отряда. Именно участие в борьбе с белыми приносит радость сироте:

*Раз пятнадцать подряд
В разведку ходила,
Много пленных взяла,
Сведений добыла.
Светлой радости я
Ласку увидала,
Хоть и молодость прошла,
Жизнью не увяла [21, с. 184].*

Завершается песня такими словами: *Дождалась судьбы своей, / Долюшки счастливой* [21, с. 131]. Деятельное участие в своей судьбе принимал и погибший герой, сын которого остался сиротой. В этом тексте упоминаются *чужие* – белые. Они, как следует из песни, противятся счастливой судьбе героя:

*Вел отец большое дело
С белыми в бою,
Дрался он за правду смело,
За судьбу свою [21, с. 223].*

Судьба может быть доверена и другим людям. Показательно, что это непременно *свои*. Большевики вспоминают минувшую уже Гражданскую войну: *Все вожди нас ободряли, / Когда были мы в бою, / Мы судьбу им доверяли, / Доверяли жизнь свою* [21, с. 169]. Пассивное отношение к судьбе транслируется и со стороны другого лица, которое относится к *своим*. Мать оплакивает судьбу младенца, недавно лишившегося отца: *Все я выплакала очи / По судьбе твоей* [21, с. 223].

Итак, проанализированный материал позволил выявить эволюцию представлений о *доле, счастье, судьбе*. В своей совокупности тексты, появившиеся из переработанных фольклорных песен и возникшие на основе авторской поэзии (как и сама авторская поэзия), в целом демонстрируют единое представление о *доле, счастье, судьбе* и отчасти находятся в соответствии с традиционным мировоззрением. Так, рассматриваемые понятия не имеют четких границ; *доля, счастье* и *судьба* положительно или отрицательно оцениваются, могут быть стабильны или изменяемы, приписываются группе или одному лицу.

Однако присущее традиционному мировоззрению видение в *доле, счастье* и *судьбе* мифических существ в песнях периода Гражданской войны осталось невостребованным, реализуются они только как состояния. Оказался непопулярен и акцент на компонентах *доли, счастья, судьбы*, интересны понятия в целом, что говорит об эволюции самих понятий, их упрощении. Новым в сравнении с традиционными представлениями является четко выраженная отнесенность ко времени: *доля* преимущественно имеет отношение к настоящему, *счастье* – к настоящему и будущему времени, *судьба* – к прошлому. При этом важно и включение *доли, счастья, судьбы* в число ряда значимых для исследуемой эпохи и осмысляемых с позиции современности представлений (*земля, воля, свобода, жизнь, радость, богатство* и пр.), что вызвано осмыслением событий, предшествовавших Гражданской войне или происходивших во время нее. Пассивное отношение к *злой доле, злой судьбе* заменяется на их добровольное принятие, в основе которого лежит приверженность политическим идеалам. Эти отличия свя-

заны как с особенностью изменяющегося народного мировоззрения, транслируемого в поздне-традиционном фольклоре и авторской поэзии начала XX века, так и со спецификой словесной реализации песенного жанра.

Доля, счастье, судьба приписываются *своим* (красным, народу), при этом белые и интервенты будто составляют отдельную группу, которая находится за рамками *счастливых* или *бессчастливых*. В традиционном сознании наделенными *счастливой судьбой* или *обездоленными* могут быть *свои* (члены семьи, рода, населенного пункта), *о доле, счастье, судьбе чужих* в традиционной культуре не упоминается. Это является еще одним подтверждением отнесенности белых и интервентов *к чужим*. При этом *чужие* принимают участие, пусть и незначительное, в реализации *несчастной доли* или *горькой судьбы* красных или народа.

Список литературы

1. *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.
2. *Белугина О.В., Стародубец С.Н.* «Судьба» в обрядовом фольклоре восточного Полесья // Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья. Науч. докл. уч. Междунар. науч.-просветит. форума / под ред. Стародубец С.Н., Пустовойтова В.Н., Пронченко С.М. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2021. С. 54–60.
3. *В.И., В.Т.* Доля // Мифология. М.: БРЭ, 2003. С. 195.
4. *Волокитина Н.А.* «Солдатская доля» в песенном фольклоре населения Вологодской губернии // Альманах современной науки и образования. 2014. № 5–6(84). С. 42–45.
5. *Головачева О.А., Новикова К.А.* Языковые средства отражения женкой доли в песенном фольклоре Гордеевского района Брянской области // Наука и мир в языковом пространстве: сб. трудов V Междунар. науч. конф. Макеевка: Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, 2019. С. 145–152.
6. *Давлатмирова М.Б.* Ценностное содержание макроконцепта «судьба» в фольклоре Бадахшана // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2019. № 2 (256). С. 184–189.
7. *Даль В.И.* Доля // Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1. С. 463–464.
8. *Даль В.И.* Судить // Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 4. С. 355–356.
9. *Даль В.И.* Счастье // Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 4. С. 371–372.
10. *Зиганишина Г.Т.* Религиозно-мифологические представления о доле–судьбе в русской культуре (по языковым данным) // Nauka-Rastudent.ru. 2014. № 4(04). С. 19. EDN: SGNKNJ
11. *Иванов В.А., Иванов В.В.* Доля // Мифы языческой Руси: словарь. Ярославль: Академия Холдинг, 2001. С. 52.
12. *Камалиева Г.З., Закирова И.Г., Каримова Л.К.* Представления о судьбе и предопределении в культуре тюркских народов: фольклорно-литературный контекст // Ориенталистика. 2022. Т. 5, № 2. С. 354–365.

13. *Каюмова Д.Ф.* Концептосфера «судьба человека» и его языковое воплощение в английском и тюркских языках // Проблемы и перспективы развития многоуровневой языковой подготовки в условиях поликультурного общества: материалы II межрегион. заоч. науч.-практ. конф. / сост. Каюмова Д.Ф., Новгородова Е.Е.; глав. ред. Д.Ф. Каюмова. Казань: Казанский государственный университет культуры и искусств, 2015. С. 181–187.
14. *Комментарии* // Героическая поэзия гражданской войны в Сибири / сост. Л.Е. Элиасов. Новосибирск: Наука, 1982. С. 249–314.
15. *Краюшкина Т.В.* Власть в системе духовно-ценностных ориентиров (на материале русских народных песен периода Гражданской войны Сибири и Дальнего Востока) // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2021. № 32. С. 82–92.
16. *Краюшкина Т.В.* Земля в русских народных песнях периода Гражданской войны Сибири и Дальнего Востока: традиционные представления и новые ценности // Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке России (Десятые Крушановские чтения, 2021 г.). Владивосток: Дальнаука, 2021. С. 350–358.
17. *Краюшкина Т.В.* Мотив *кровь* как средство манипуляции сознанием в русских народных песнях периода Гражданской войны Сибири и Дальнего Востока // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2020. № 28. С. 138–154.
18. *Кульсарина Г.Г.* Этические концепты в башкирской фольклорной картине мира // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15, № 3–1. С. 958–961.
19. *Левкиевская Е.* Доля // Мифы русского народа. М.: Астрель, АСТ, Люкс, 2004. С. 286–290.
20. *Морозов И.А.* Обычай, верования, магия, связанные с началом и завершением трапезы // Традиционное русское застолье: сб. ст. / сост. А.В. Костина, Л.Ф. Миронихина. М.: Гос. республ. центр рус. фольклора, 2008. С. 16–35.
21. *Песни* // Героическая поэзия гражданской войны в Сибири / сост. Л.Е. Элиасов. Новосибирск: Наука, 1982. С. 30–248.
22. *Потебня А.А.* О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ // Потебня А.А. О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзи. О связи в нѣкоторыхъ представленийъ в языкѣ. О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленийъ. О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ. Второе издание. Харьковъ, Изданіе М.В. Потебня, 1914. С. 190–243.
23. *Сагитова А.Г.* Национальные особенности функционирования концепта «язмыш» («судьба») в текстах башкирского фольклора // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24, № 4. С. 1014–1018.
24. *Сурикова О.Д.* Слова *бессчастье* и *бессчастный* в языке русской причеты (на фоне других фольклорных жанров) // Традиционная культура. 2015. № 2(58). С. 159–169.
25. *Тимофеева И.Ю.* Концепт «счастье» в русской культуре // Инновационные аспекты развития науки и техники: сб. избр. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. /отв. ред. Н.В. Емельянов. Саратов: НОО «Цифровая наука», 2020. С. 186–194.
26. *Толстая С.М.* Судьба // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 370–371.
27. *Троянская А.И.* Образы счастья в удмуртской, татарской и русской традиционной культуре // Межкультурное взаимопонимание в современном глобальном мире: сб. материалов Пятой Всеросс. науч.-практ. конф. «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития». М.: МГППУ, 2015. С. 122–124.

28. *Фольклор Дальнеречья* / сост. Л.М. Свиридова. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1986. 288 с.

29. *Фольклор казаков Сибири* / сост. Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский. Улан-Удэ: Бурятский филиал СО РАН, 1969. 364 с.

30. *Хасанова Т.Ф.* Концепт «счастье» в русском и башкирском фольклоре (на материале пословиц и поговорок) // Межкультурный диалог на Евразийском пространстве: мат-лы Всеросс. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. / отв.ред. Л.М. Хусаинова. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2022. С. 251–252.

31. *Шкурко Ю.С.* Представления о счастье в русских и американских пословицах: поиск точек соприкосновения с моделью Г. Хофстеде // *Язык и культура*. 2014. № 3 (27). С. 108–119.

Статья поступила в редакцию 20.01.2024; одобрена после рецензирования 22.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 20.01.2024; approved after reviewing 22.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.